

Волшебнымъ даромъ пѣснопѣній?
 Тогда бы кистию твоей,
 Всегда живой и благородной,
 Я тронулъ съ гордостью свободной
 Сердца холодныя людей;
 Тогда, владыка величавый
 Перуна, гибели и зла,
 Изобразилъ бы я дѣла
 Войны жестокой и кровавой:
 Отважный приступъ христіанъ,
 Злодѣевъ яростную встрѣчу,
 Орудій громъ, пальбу и свѣчу,
 И смерть, и кровь, и трепеть ранъ...
 Изобразилъ бы я страданье
 Полуживаго мертвеца,
 И жилъ, и членовъ содроганье,
 Его послѣднее дыханье
 И чувства мертваго лица...
 Но ты, пѣвецъ души и чувства,
 Умѣя смертныхъ презирать,
 Ты намъ не передалъ искусства
 Умы и души волновать!
 Какъ непонятное явленье,
 Исчезло міра изумленье —
 Великій геній и поэтъ...
 Осиротѣвшая природа
 И новой Греціи свобода
 Вѣщаютъ намъ: Байрона нѣтъ!..

.

Недолго, воины Москвы,
 Своихъ враговъ искали вы!
 На заповѣданной молитвѣ,
 Съ ружьемъ и шашкою въ рукахъ.
 Вы ихъ узнали на холмахъ,
 Давно готовыхъ къ лютой битвѣ.
 Свинецъ летучій, разсыпной
 Встрѣчаетъ рать передовую,
 И первый разъ въ толну лихую
 Направленъ мѣткою рукой
 Ударъ картечи боевой...
 И разлетѣлся съ рокотаньемъ
 Зарядъ чугунаго жерла,